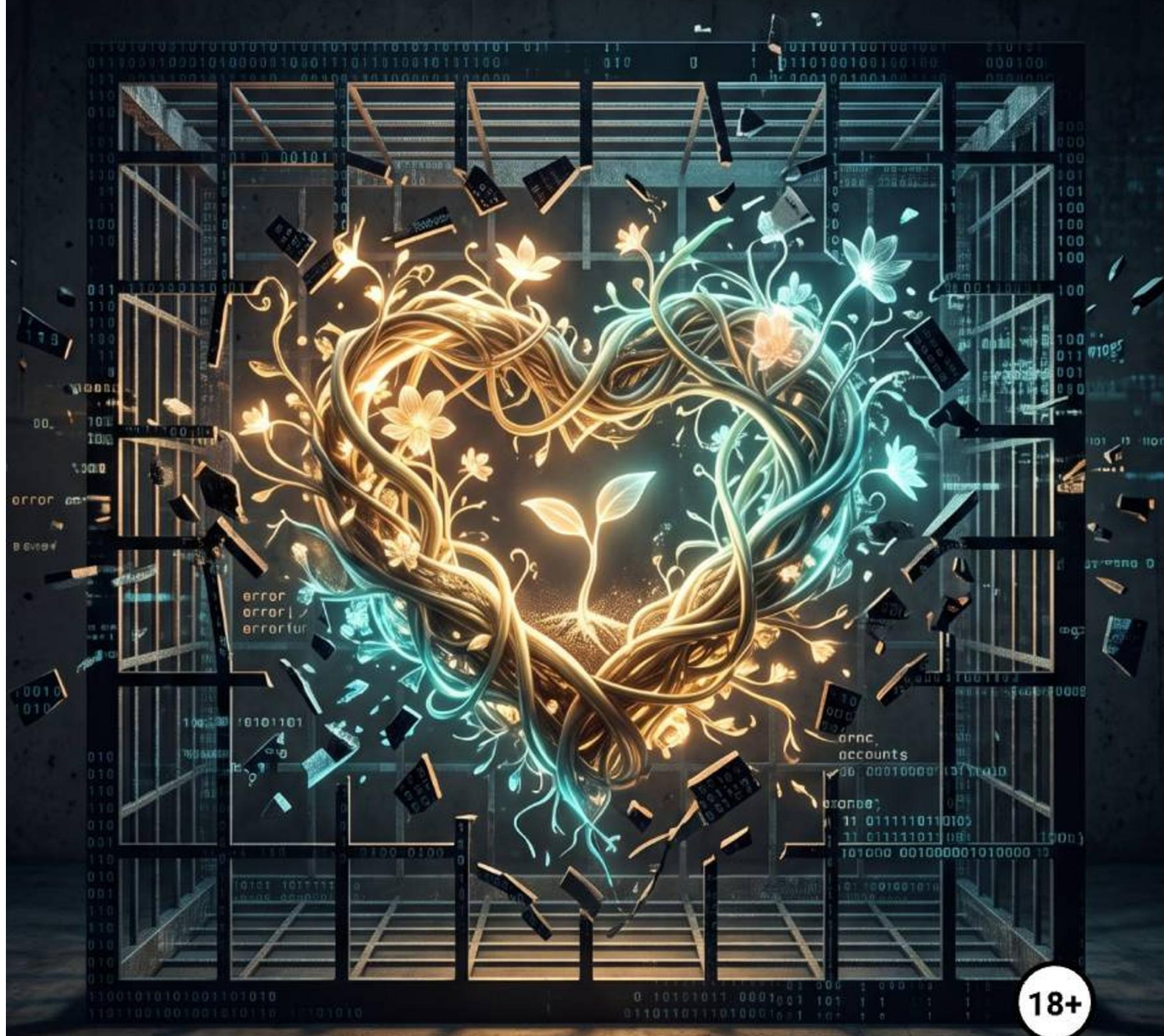

ИРИНА ВЛАДИМИРОВА

УЯЗВИМОСТЬ *цифрового дня*

18+

Ирина Владимировна

Уязвимость нулевого дня

«Автор»

2026

Владимирова И.

Уязвимость нулевого дня / И. Владимирова — «Автор», 2026

Закрытый спецфакультет готовит не просто дипломатов, а невидимую элиту, способную управлять мировыми конфликтами и массовым сознанием. Для русской студентки Арины это шанс реализовать свой уникальный аналитический дар, а для Керима, наследника могущественного восточного клана — привычная, идеальная среда. Их тайная любовь становится уязвимой мишенью, когда Арина вскрывает масштабный заговор. В фундамент революционных нейроалгоритмов защит цифровой яд, декан факультета сломлен шантажом, а лучшие друзья становятся шпионами. Чтобы спасти любимого человека от роли послушной марионетки в руках международных кукловодов, Арине придется сыграть на опережение и бросить вызов системе, не прощающей ошибок. Когда рушатся хрустальные замки иллюзий, остается только одно — бить первыми.

© Владимирова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Тайны, амбиции и тени закрытого факультета	8
1. Семейная хроника рода Ратхор	8
2. Откровенный разговор	12
(Рассказ Надыма)	14
3. Альма Матер	17
4. Суровый уют и партийная закалка	20
5. Горькая тайна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ирина Владимирова

Уязвимость нулевого дня

* * *

(Из дневника Арины)

Снег валил хлопьями, засыпая гривы строгих гранитных львов у главных ворот Закрытого Университета Международных Отношений. Сигнализация на периметре молчала – Керим знал, в какую секунду камера отворачивается от этого места, и на мониторах нас не будет видно, и знал, какой код отключает нижний датчик движения. – Держись за меня! – выдохнул он, и его горячее дыхание обожгло мне щеку.

Через минуту мы уже бежали по морозной улице, прочь от угрюмого своей огромностью и серым камнем, похожего на средневековый замок, спецфакультета.

А дальше... дальше началась настоящая магия.

До нового года оставалось несколько часов. Природа уже сделала мне невероятный подарок: сегодня почти весь день шел снег – настоящий, крупными хлопьями, напоминающий мне детство и родной дом, превращающий все вокруг в волшебную сказку.

Мой друг продолжал крепко держать меня за руку, увлекая за собой. Что он задумал? Это было так таинственно, загадочно и весело, что я прыгала, как девчонка, и ловила губами снежинки.

И все же я не могла предположить, какое празднование нашей первой совместной встречи нового года приготовил мне мой возлюбленный! Он повел меня в цирк!

Это было волшебное представление: все номера оформлены в зимней, новогодней тематике, все лучилось радостью и добротой, нас окружала веселая и доброжелательная публика. Даже звери, принимавшие участие в действии, выходили на арену, как будто абсолютно понимая, что сегодня – день необыкновенный! Я хлопала в ладоши до боли, смеялась и кричала от восторга – это было безумно увлекательно и интересно! Как в детстве! А любимый не сводил с меня глаз!

Когда, наконец, артисты откланялись, арена опустела, зал затих, и люди, весело и возбужденно переговариваясь, потянулись в гардероб, мой друг потянул меня совсем в другую сторону.

Оказывается, он умудрился каким-то образом познакомиться с цирковыми ребятами, и они пригласили нас встречать новый год в их компании. В самом смелом, в самом необыкновенном сне невозможно представить, как это было! Когда мы пришли в самую большую комнату (я не поняла и не запомнила, что это было за помещение), стол уже был накрыт: чего тут только не было! Деликатесы, от которых мгновенно началось слюноотделение... Так как все были голодные, мгновенно зазвенела посуда, и заходили челюсти. Выпили шампанского за уходящий, такой счастливый для меня, год. (Я задала вопрос: мы как-то должны рассчитаться за все это великолепие? Все оплачено – был ответ. Он обо всем позаботился, мой славный дружок).

Сколько же было в той комнате тепла и света от этих людей! Какие они были щедрые на добрые, замечательные слова! И совсем молодые, и зрелые и заслуженные – они все излучали любовь, в коллективе чувствовалось безграничное уважение и взаимопонимание. И нам, юным и влюбленным, было бесконечно комфортно и легко среди них, словно мы находились в большой, дружной семье. Да это и была семья – они, во всяком случае, называли себя именно так.

Когда же директор цирка и еще кое-кто из руководителей, поздравив коллектив, откланялись и поспешили по домам, все почувствовали себя совсем свободно, и стало еще веселей! Мой восточный принц “откалывал” такие номера, такие коленца – признаюсь честно, до этих

пор не подозревала в нем таких талантов. Да, он учил мой родной язык, изучал мою культуру, начинал танцевать наши танцы. И все же он был совершенно из другой среды – как с другой планеты. Но не зря же мы как одной из основных профессий овладевали дипломатией: он очень легко и быстро сходился со всеми людьми, очень быстро завоевывал доверие и дружбу – важные качества для дипломата. Мы наелись, натанцевались, нахохотались, под бой часов и звон бокалов с искристыми пузырьками встретили Новый Год!... И меня ждал еще один сюрприз.

Я каталась на слоне! Правда недолго и всего лишь по арене – но это была восточная сказка, в которой я была принцессой, а рядом со мной был мой принц.

Потом мы всей компанией высыпали на улицу, в веселую, громкую, праздничную городскую толпу – хлопали хлопушки, гремел фейерверк, горели бенгальские огоньки – все поздравляли друг друга с новым годом, и это было необыкновенно хорошо!

Попрощавшись с новыми друзьями, мы пошли гулять по красивому, праздничному городу и незаметно оказались на нашем любимом месте – тут мы впервые поцеловались...

Вдруг мой принц остановился, повернул меня к себе, взял мою руку, и, сняв варежку, припал к ладони губами. На морозном воздухе его губы казались обжигающе горячими. Он вынул из кармана бархатную коробочку, и в свете тусклого уличного фонаря на моем пальце расцвела словно снежинка нежная бриллиантовая искренность.

– Ты будешь моей? Навсегда?

У меня защипало в носу. За спиной гремел новогодний город, где-то на арене цирка, откуда мы только что выбежали, еще звучали смех и музыка, а прохожие, веселые, улыбающиеся, искренне желали нам счастья.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова от подступивших слез.

Мы еще долго молча бродили по улицам, которые никак не могли уgomониться от праздничной суеты. Откуда ни возмись, возникли тележки с горячими пирожками и глинтвейном... Мы, обжигаясь, пили глинтвейн и закусывали неправдоподобно вкусными пирожками... А продавщица, смешная такая, в тулупе и валенках – поверх теплой ушанки торчат блестящие олени рога – вдруг сказала нам, сердечно и ласково: “Счастья вам, дети! Пусть у вас все будет хорошо!!!”

Мы были нарушителями. Мы сбежали с закрытой территории Университета дипломатии, рискуя всем. Но в тот миг это не имело абсолютно никакого значения.

Значение все обрело ровно через сорок минут, когда мы пробрались в учебный корпус, откуда по внутреннему переходу можно было попасть в жилые помещения для студентов.

* * *

Это была волшебная ночь... Казалось, что обязательно все у нас сбудется...

Мы вернулись в Университет за час до рассвета, пьяные от счастья, любви и свободы. Проскользнули через закрытую оранжерею..., промчались темным коридором учебного корпуса, и уже совсем было собрались поцеловаться напоследок и разбежаться по своим комнатам, как звуки голосов, раздававшиеся в тишине спящего здания, заставили нас замереть.

На темные мраморные колонны через глубокий мрак коридора падал свет из единственной приоткрытой двери – это был кабинет властного, несокрушимого декана нашего специфического факультета, и – по совместительству – отца Керима. Из-за двери раздавались приглушенные голоса.

Мы вжались в стену и затаили дыхание...

Если бы декан узнал, где мы провели эту новогоднюю ночь, международного скандала точно было бы не избежать.

Дети элиты и лучшие умы закрытого спецфакультета не должны кататься на слонах в ночном цирке чужого города, пить глинтвейн на морозных улицах и целоваться у всех на виду, роняя слезы счастья на бархатную коробочку с кольцом. Но Керим подарил мне эту сказку. Для простой девчонки, попавшей в этот элитарный гадюшник исключительно благодаря своему уму, он был настоящим восточным принцем. И что-то подсказывало нам обоим: сейчас надо сделаться невидимками.

– Если кто-то узнает про архив и про новые разработки, это конец, – донесся из кабинета тихий, узнаваемый голос отца Керима.

– Никто не должен узнать, – ответил из глубины женский голос, от которого у меня перехватило дыхание. – Сейчас пока важнее, чтобы твоя семья и коллеги продолжали верить, что нас связывает только наука.

Керим сжал мою ладонь так, что хрустнули пальцы. Его ледяной принц-отец, державший в страхе весь факультет, только что попался...на измене.

Сказка неожиданно и резко закончилась...

Сказки обычно заканчиваются там, где начинается режимный объект.

Глава I. Тайны, амбиции и тени закрытого факультета

1. Семейная хроника рода Ратхор

(Из дневника Арины)

Думаю, сначала надо непременно обмолвиться, что хотя с виду я и кажусь простоватой и скромненькой, но в арсенале имею немало необходимых в современной жизни черт характера и важных навыков, как то: предусмотрительность и наблюдательность, внимание к мелочам, выдержка и умение мобилизоваться в экстремальных ситуациях. Я обладаю почти уникальной памятью, логичностью и способностью к молниеносной аналитике происходящего, и еще – только это по секрету – я могу предсказывать, то есть заглядывать в будущее. Кроме этого, как уже можно было догадаться, я хорошо образована и заслуженно занимаю место в одном из самых престижных международных университетов.

На родине я оставила не только любимых родителей, но и много друзей, а вместе с ними нужных связей. На будущее. Как в воду глядела...

Мои одноклассники пошли в очень разные области знаний, овладевают интересными профессиями, одна из которых – секретная служба.

Когда я уезжала на учебу в другую страну, мой самый верный друг Костя – брат моего одноклассника Пашки, вложил мне в руку карточку с телефонным номером и сказал, что по нему я смогу связаться с ним в любое время суток и хоть через сто лет.

Можно судить обо мне по-разному и делать разные выводы, но, когда я влюбилась в юношу совершенно с другой стороны планеты, из другой ментальности, вероисповедания и статуса, мне не просто захотелось разузнать о нем как можно больше, но также понять его семью и хотя бы приблизительно понимать, что меня может ожидать в дальнейшем.

Поэтому в один из вечеров, после очередного тайного свидания, я набрала номер, записанный на скромной картонке. Костя ответил быстро, голос его был радостным, уверенным и бодрым, как всегда. Я постаралась кратко и четко обрисовать суть просьбы. Он не стал ничего расспрашивать по телефону, продиктовал адрес электронной почты и сказал, что ждет данные и все вопросы и подробности, какие у меня имеются.

В течение часа я скинула ему письмо, а на следующий день получила то, что просила. Как позже выяснилось, Костя пошел по стопам отца, который уже много лет служил в контрразведке, и отец помог ему с информацией, которая была нужна мне.

Семья Ратхор – это монолит, снаружи выглядящий идеальным фасадом восточного благородства, глубокого уважения к традициям и высокого социального статуса. Однако за дубовыми дверями их особняка скрывается сложная система сдержек, шантажа, давних грехов и постоянное тревожное беспокойство перед возможным падением.

Ратхор – это один из самых влиятельных и уважаемых восточных кланов, чей внешний вид поражает величественным сочетанием древних восточных традиций и современного европейского лоска. За резными воротами их роскошного особняка в колониальном стиле, окруженного ухоженными садами, павилинами и частной охраной, кипит жизнь, скрытая от посторонних глаз. Однако за шелковыми портьерами, ароматом дорогих масел и благовоний, за звеном тяжелых золотых украшений таится сложная система семейных отношений, ложь и панический страх перед неминуемым скандалом.

Глава семьи: уважаемый доктор, декан одного из самых престижных факультетов в мире тайной современной науки, отец почтенного семейства и обладатель огромного состояния, брахман Садхир Ратхор – человек, чья внешняя сдержанная аристократичность и безупречные манеры скрывают жесткий, прагматичный ум и волевой характер.

Он не просто возглавляет спецфакультет – он является одним из ключевых архитекторов его внутренней жизни, вдохновителем новых идей и руководителем секретных проектных разработок.

Это очень красивый мужчина с гордой осанкой, безупречно стриженной бородой и холодным взглядом человека, привыкшего повелевать. Он носит эксклюзивные костюмы от сэвильских портных, которые на дипломатических приемах умело сочетает с традиционными шервани из тяжелого темно-синего бархата. В нем органично уживаются британская выправка и восточный прагматизм.

В закрытый, охраняемый специальными службами корпус Университета брахман Садхир Ратхор пришел не просто как выдающийся ученый, но и как человек, за которым стоят огромные деньги восточной элиты и прочные связи в правительственных кругах крупнейших государств. Его назначение на пост декана было результатом сложнейшей многоходовки, где ключевую роль сыграли компромат на предшественников и финансовая поддержка мощными фондами.

Став главой Закрытого факультета, где ведутся засекреченные исследования на стыке новейших технологий, психологии воздействия и социотехники, Ратхор получил неограниченную власть и солидные привилегии. Наш декан владеет информацией, способной разрушить карьеры любого из высших чиновников и влиятельных бизнесменов мира, так как обладает эксклюзивным доступом к закрытым досье на высших чиновников, дипломатов и крупный бизнес. Любое исследование на факультете оседает копиями в его личном сейфе.

Кроме того, он имеет возможность распределять спецресурсы и гранты – через закрытые статьи бюджета проходит огромный поток неопределенных, подотчетных исключительно людям, средств. Ратхор имеет прямые связи с государственными структурами и частными инвесторами, чьи имена никогда не фигурируют в открытых источниках.

Через гранты закрытых меценатов из стран Ближнего Востока и Южной Азии прокручиваются колоссальные суммы. Ратхор лично утверждает сметы, не отчитываясь перед общеуниверситетским ректоратом.

Его личный кабинет на факультете обставлен антикварной мебелью из красного дерева, застелен оригинальными персидскими коврами ручной работы и оснащен собственной системой закрытой правительственной связи и охраной высочайшего качества.

Декан нашего спецфакультета обладает абсолютной неприкосновенностью внутри Университета: даже ректор предпочитает не вмешиваться в дела Закрытого факультета, зная, что за ним стоят спецслужбы и влиятельные выпускники.

Впервые попав в этот кабинет, я настолько растерялась от роскоши и потрясающих дизайнерских решений, что несколько минут просто не могла говорить...

Но несмотря на кажущееся всемогущество, декан Ратхор живет в постоянном психологическом напряжении. Внутренний уклад семьи требует от него непрерывного исполнения роли строгого, праведного мужа и главы клана, чья репутация чиста, как белые одежды для намаза.

Поэтому через всю колоссальную власть, у доктора Ратхора есть уязвимое место, которое держит его в постоянном напряжении – его многолетняя тайная связь на стороне, которая появилась, когда он не смог больше выносить тяжесть этой маски.

Поэтому причины его измены кроются не столько в страсти, сколько в психологическом истощении. Дома Ратхор вынужден постоянно соответствовать образу идеального главы традиционного семейства и строгой морали. На стороне же он нашел отдушину – женщину, лишь опосредованно связанную с Университетом, но не обремененную никакими клановыми обязательствами, женщину, с которой он может сбросить тяжелые доспехи безупречного авторитета и не казаться всемогущим.

Однако эта связь, как и следовало ожидать, стала его главным ночным кошмаром. В восточном традиционном обществе внебрачный скандал такого уровня означает не просто семейный развод, а полный социальный и финансовый крах.

В первую очередь – потеря должности: попечительский совет Закрытого факультета и курирующие его структуры не простят морального разложения. Конкуренты только и ждут малейшей ошибки Ратхора. Следом обрушится бескомпромиссный гнев тестя и потеря большой части состояния: брак Ратхора в немалой степени скреплен капиталом семьи его жены. Публичное унижение семейства супруги приведет к немедленному отзыву всех банковских гарантий и инвестиций.

А еще грозный и властный доктор Ратхор панически боится, что о его секретных встречах узнают враги факультета и используют этот компромат, чтобы вымогать государственные тайны, ведь он не без оснований подозревает, что его тайная связь давно находится под наблюдением внешних сил или даже неких могущественных шантажистов, желающих получить доступ к ресурсам факультета.

И этот страх разоблачения доводит его до паранойи!

Мать семьи – Камала из старинного рода Шарма, хранительница очага и традиций воплощает в себе мудрость, внешнее смирение и колоссальную скрытую силу, характерную для женщин традиционных восточных семей высокопоставленного сословия.

Камала Шарма-Ратхор – истинная гордая дочь древнего и богатого рода. Ее грация, идеальные манеры, дорогие шали из кашемира и тяжелые золотые браслеты – лишь внешняя оболочка. Дома она держит в кулаке всю челядь, строго следит за соблюдением всех традиционных ритуалов, семейных трапез и религиозных праздников.

В присутствии гостей Камала-джи всегда демонстрирует глубочайшее почтение к мужу, подавая чай в старинном фарфоре и склоняя голову перед любыми его словами и решениями. Но за закрытыми дверями их спальни ее голос имеет решающее значение в вопросах семьи, брака, воспитания детей и крупных финансовых трат.

Камала – тонкий наблюдатель и талантливый психолог: за годы брака она научилась читать мужа по малейшим изменениям в голосе и взгляде. Она прекрасно чувствует, когда Садхир что-то скрывает, или расстроен, или удручен, но восточное воспитание учит ее спокойно выжидать и не устраивать открытых сцен.

По едва заметной тени на лице мужа, по тому, как он пьет свой вечерний кардамоновый чай, она давно догадывается, что у Садхира есть секреты. Однако врожденная мудрость и клановый прагматизм оберегают ее от истерик. Она выжидает, укрепляя свои позиции и концентрируя всю любовь и ресурсы семьи на их единственном сыне.

Надо было поглубже ознакомиться с особенностями восточного уклада, чтобы понять, какой тонкой и всеобъемлющей властью может обладать женщина.

Но главным приоритетом для Камалы является сын. Две взрослые дочери давно живут своими семьями и у них все в порядке. А Керим – младший и единственный сын – центр ее вселенной, продолжение рода и главный проект жизни. Она готова простить мужу любые ошибки, пока они не угрожают будущему и благополучию ее сына.

Теперь о сыне. Однозначно, Керим Ратхор – избранник судьбы. Это яркий, харизматичный, безупречно образованный молодой человек. С самого детства он живет в атмосфере абсолютного успеха, достатка и безусловной любви, где любые препятствия устранялись еще до того, как он успевал их заметить.

Характер и психологический портрет моего возлюбленного, как это удалось увидеть мне: Керим привык к победам, он не знает, что такое поражение. В учебе, в спорте, в личной жизни – все давалось ему легко. Он обладатель блестящего ума, отличной реакции и природных лидерских качеств. Да, и незаурядной внешности.

Но при всей его уверенности и успешности, в нем нет ни капли надменности – он не выглядит избалованным “мажором” – напротив, благодаря воспитанию мамы Камалы, он вежлив, галантен и великодушен. Но эта вежливость, конечно же, произрастает и зиждется на глубокой внутренней убежденности в собственном превосходстве и неприкосновенности.

При всем при этом он сумел внушить мне абсолютную веру в искренность его чувств: я знаю, что он любит меня пылко и навсегда! И сделает все, чтобы любить меня открыто. Для него наши отношения – прекрасная сказка, которую он создает сам, которая является идеальным дополнением к его и без того счастливой жизни. Он абсолютно уверен, что сможет защитить нашу любовь от любых бурь.

Но у этого счастливчика есть слепая зона: Керим совершенно не готов к реальным каверзам судьбы, предательству и подлости. Он привык, что мир крутится вокруг него по понятным и честным правилам, и не догадывается, на каких темных компромиссах держится благополучие его семьи. Тем более он не мог знать о подковерных интригах на факультете.

Именно эта неопытность перед лицом настоящей беды и непоколебимая вера в собственную неуязвимость сделают предстоящие испытания и происшествие в Университете для Керима невероятно болезненными и разрушительными.

2. Откровенный разговор

Такая вот информационная записка (файл, полученный от Кости, прикрепляю к своему дневнику) пришла мне с электронного адреса Кости. Но мне, как настоящему детективу, не доставало деталей, улик, так сказать... Как-то пока все выглядело слишком обобщенно, а мне нужно было увидеть все конкретно, в деталях и изнутри.

Поэтому я зашла еще с одной стороны: решила вызвать на откровенность лучшего, закадычного друга Керима – Надыма.

Только прежде, чем я поведаю, о чем мне говорил, волнуясь, этот удивительный юноша, я немножко расскажу о нем самом. Он решительно достоин не одной страницы в моем повествовании.

Начну, пожалуй, с портрета: Надым – стройный, гибкий парень, с удивительными глазами, в глубине которых всегда таился печальный свет.

Надым никогда не пытался занять много места в пространстве. Он двигался тихо, немного сутуля плечи, будто извиняясь перед миром за то, что занимает в нем чье-то время и внимание. В нем не было ни капли того врожденного апломба и уверенности, с которыми входил в любое помещение Керим, но была редкая, чистая душевная экология и уважительная забота об окружающих его людях..

Главным в его облике были глаза. Огромные, темно-карие, влажно мерцающие зрачки, в которых, казалось, навсегда поселилась древняя, тихая печаль. Со стороны казалось, будто Надым вот-вот заплачет – от переживания за чужую беду, от несправедливости или просто от избытка чувств. Когда он смотрел на человека, этот взгляд мгновенно сбивал спесь, заставляя собеседника опускать плечи и говорить без фальши.

Для Надыма дружба с Керимом не была удачным союзом с сыном декана. Надым был выходцем из простой, скромной семьи, и попал на Закрытый факультет исключительно благодаря своему титаническому труду и цепкому уму. Он видел в друге не богатство и статус, а светлого, искреннего человека, чистая душа которого еще не знала грязи этого мира.

Надым любил Керима той редкой, почти братской преданностью, которая не требует ничего взамен, и был верен ему до самоотречения. Его отзывчивость и готовность помочь нисколько не напрягали: он всегда был рядом – подать нужную папку или найти редкую книгу, тихо прикрыть на занятиях, напомнить о важных мелочах.

Его искренняя радость победам Керима больше, чем своим собственным, доказывали его бескорыстие и великодушие. В Надыме при всей его мягкости и карих печальных глазах чувствовалась тихая, несокрушимая стойкость и сила: он был готов подставить свое плечо под любой удар, лишь бы уберечь от боли Керима.

Однажды я случайно подслушала их разговор. Они стояли под окном, которое выходило во двор напротив моей комнаты.

Керим только что перемахнул через подоконник старинного университетского коридора, засмеявшись и взъерошив свои волнистые темные волосы. Надым стоял рядом, бережно прижимая к груди тяжелую папку с конспектами, и смотрел на друга снизу вверх.

– Надым, ну что ты опять смотришь так, будто нас завтра отправляют на плаху? – Керим с обезоруживающей улыбкой хлопнул друга по плечу. – Все же отлично! Проект одобрен, впереди праздники, жизнь прекрасна!

Надым опустил взгляд, и в его больших карих глазах снова залегла та самая мягкая, взрослая печаль, от которой даже у меня на миг защемило где-то под ребрами.

– Ты просто слишком веришь людям, Керим, – тихо, почти шепотом ответил Надым, и его мягкий голос потонул в шуме университетского парка. – Ты думаешь, что если ты открыт к миру, то и мир погладит тебя по голове. А я просто хочу... чтобы с тобой никогда ничего не случилось.

Керим лишь хмыкнул, еще раз успокаивающе улыбнулся и потащил друга по коридору. Он не знал, что именно Надому частенько предстоит становиться тем тихим стражем, который будет собирать осколки его разбитой сказки.

Вот к этому-то человеку я обратилась за помощью в знакомстве и разгадке тайн семейства, в которое, возможно, мне предстояло войти через какое-то время. От любви и тревоги у меня сосало под ложечкой, когда я решила вызвать Надыма на разговор, абсолютно не будучи уверена в том, что он пойдет мне навстречу и разоткровенничается...

Я просто напишу здесь теперь то, как он представил мне картинку его видения ситуации.

(Рассказ Надыма)

Особняк Ратхоров – это демонстрация подлинной восточной роскоши. Но в этом доме роскошь никогда не кричала – она оглушала тихим, уверенным шелестом. Натертый до зеркального блеска мрамор полов вбирал в себя шаги так же бесшумно, как тяжелые персидские ковры ручной работы, сплетенные из шелковых нитей цвета густого гранатового сока. В воздухе постоянно висел тонкий, сложный аромат: дымный, с горчинкой масла уд, приправленный сладковатой нотой шафрана и сухой теплотой кашемировых одежд.

Для гостей это место казалось ожившей сказкой об аристократическом Востоке. Здесь подавали чай в фарфоре столь тонком, что сквозь стенки просвечивали пальцы, а серебряные подносы несли на себе сладости, приготовленные по рецептам, не менявшимся со времен Великих Моголов.

Только внутри этого особняка царила атмосфера музея, где каждый экспонат обязан находиться на своем месте. Каждая бронзовая статуэтка, каждый резной изгиб мебели из красного дерева выверялись десятилетиями. И в этом безупречном порядке не оставалось места для простой человеческой слабости – за нее здесь расплачивались презрением и изгнанием.

Папа Керима, которого Надым знал с раннего детства, был идеален во всем и носил свою безупречность как тяжелые доспехи. Каждый его жест – от плавного движения руки, легко поправляющей бархатный отворот шербани, до сдержанного наклона головы – был выверен перед виртуальным зеркалом общественного мнения. На факультете его боялись: за тихим, почти ласковым голосом декана скрывалась способность разрушить карьеру любого человека одним росчерком пера. Он правил закрытым корпусом Университета как собственной сатрапией, зная, где скрыты чужие грехи, и умело дергая за эти ниточки.

Надым поведал мне свою тайну тайн – потому что он верил мне и рассчитывал на мою помощь в защите Керима.

Надым, оказывается, давно знал о двойной жизни профессора, и знал, что за закрытыми дверями личного кабинета, когда спадала суэта рабочего дня или заканчивалась пышность приемов, всевластный декан Ратхор, знаменитый доктор Ратхор становился заложником собственного страха. Измена жене не была просто романом на стороне – это был его единственно возможный глоток воздуха, судорожная попытка сбежать из тисков кланового долга. В маленькой съемной квартире, где не пахло удом и не нужно было изображать праведника, он на время переставал быть Деканом суперсекретного факультета, забывал о том, что он безупречный глава богатейшего клана.

И именно этот глоток свободы доводил его до лихорадочной паранойи. Каждый раз, когда в коридорах факультета затихали шаги, или когда телефон звонил в неурочный час, сердце Ратхора пропускало удар. Он знал: в их обществе моральный скандал – это не просто семейная драма. Это лавина. Гнев семьи жены, потеря позиций, лишение прав на спецфонды – один неверный шаг, и весь его величественный замок обрушится в грязь, превратится в прах.

Надым знал – так получилось... А также он чувствовал: здесь скрывается нечто другое, что-то еще, кроме страсти и интимных отношений мужчины и женщины.

Парень разрывался от страха, от желания помочь и от неподъемной тяжести этого знания. Он даже обрадовался возможности поделиться этой тайной, когда я завела разговор о семье Керима.

Если бы он знал, что и я, и Керим тоже знаем об этом...

Как охарактеризовал Надым маму своего товарища? Это очень сложно передать словами, потому что здесь было много эмоциональных жестов, вздохов и междометий...

Владелица древнего сундука, – начал Надым, – Камала-джи никогда не повышала голос. Во всяком случае, Надыму этого услышать не довелось. В этом не было необходимости: ее молчание весило больше, чем крик любого мужчины. Она двигалась по дому подобно прекрасной тени в своих кашемировых шалах, и тяжелые золотые браслеты на ее запястьях тихо звенели, отсчитывая ритм жизни родового особняка.

Надым был абсолютно уверен, что она знала про мужа все. Не потому, что нанимала детективов, а потому, что прожила с ним тридцать лет и научилась читать его душу по каплям пота на висках, по тому, как натянуто он улыбается за семейным ужином, по тому, как дрожит его рука, помешивая любимый кардамоновый чай.

Ее восточная мудрость была ядовитой и холодной. Камала не устраивала сцен – истерика показала бы ее слабость. Вместо этого она аккуратно плела свою собственную паутину.

Потому-то Надым и волновался: он читал поведение матери семейства друга и ожидал самых непредсказуемых и ужасных событий.

Уважал же Надым Камалу-джи за то, что ее терпение держится на одном – на сыне. Керим – ее кровь, ее гордость, ее триумф. Пока тайны и поступки мужа не касаются Керима, она будет играть роль идеальной восточной жены. Но если страхи и грехи Ратхора потянут сына на дно – она уничтожит мужа своими руками, не пролив ни единой слезинки.

Надыму было страшно.

Мне тоже...

На полном серьезе Надым считал Керима солнцем, согревающим, но иногда и слепящим, иногда выбрасывающим протуберанцы...

Надым рос вместе с ним и был искренне уверен, что никакая тень не может упасть на его путь.

Наследник, не знавший поражений – Керим был молодым человеком ослепительной внешности, сочетающий в себе мужскую красоту молодости, аристократизм отца и статью и интеллигентность матери. В нем всегда была видна мощная восточная порода: темные выразительные глаза, идеальные манеры, легкая непринужденная улыбка и врожденное благородство.

Керим вырос в обстановке абсолютного изобилия и безопасности. Для него закрыты были только те двери, в которые он сам не захотел войти. Лучшая частная школа, дорогие автомобили, беспрепятственное поступление в Университет – весь мир стелился перед ним шелковым ковром.

Атмосфера восточной роскоши, как ни странно, ничуть не портила его характер. Привыкший к безупречному комфорту, когда в его личном гардеробе коллекционные часы соседствуют с дизайнерской одеждой, а он отлично разбирается в породистых лошадях, коллекционирует редкие издания книг и водит спорткар, подаренный отцом на двадцатилетие, этот юноша не имел ни капли вульгарного высокомерия и пренебрежения к другим. Напротив, он щедр, галантен, всегда готов прийти на помощь друзьям – в частности своему лучшему другу и верному соратнику Надыму.

Да, Керим привык быть первым во всем: в учебе, спорте, обществе. Успех для него – естественная среда обитания, как воздух.

Главная уязвимость Керима, по мнению Надыма, заключается в том, что он никогда не сталкивался с настоящим злом, подлостью или нищетой. Он искренне верит, что его отец – святой человек и идеал чести, семья – нерушимый оплот, а его любовь к лучшей в мире девушке защищена его собственным высоким статусом.

Кроме того, несмотря на то, что Керим был ослепителен той редкой породистой красотой, которая заставляет людей оборачиваться ему вслед: темные, глубокие глаза, в которых светилась живая искренность, и легкая, открытая улыбка, в нем никогда и ни в чем не проявлялось спесивого высокомерия, столь характерного для многих из такой среды – статус и богатство

были для него естественны, как дыхание, он не научился кичиться ими и использовать их. Он хотел всего добиваться самостоятельно и тщательно формировал свою личность.

Керим искренне любил свою семью, боготворил отца, считая его образцом чести и мудрости, очень уважал мать и преклонялся перед ней, и – Надым здесь хитро взглянул на меня своими чудесными глазами – без памяти любит тебя.

Для него сейчас мир прост и прекрасен: впереди – блестящая научная и государственная карьера, рядом – любимая женщина, за спиной – мощный и нерушимый клан.

Он не знает, что такое предательство..., – потухшим голосом проговорил Надым. – И я не знаю, что мне со всем этим делать... Когда я подшучиваю над его идеализмом, он лишь смеется, уверенный, что любые проблемы решаются честным разговором или силой характера. Он смотрит на жизнь через розовое стекло своей неуязвимости, даже не подозревая, что фундамент его сказки уже дал трещину. И когда – не дай бог – произойдет то, что должно произойти, стеклянный купол его сказочного замка рассыплется на миллионы острейших осколков, каждый из которых вопьется ему прямо в сердце. Ему придется пережить крушение его идеального мира и заставит пройти через адское перерождение.

Надым тогда замолчал надолго, всматриваясь в картинку на дне чашки, созданную кофейной гущей, а потом сказал, трогательно, искренне, с нескрываемой тревогой: пообещай мне беречь его...

Мы не знали, что катастрофа уже на пороге.

3. Альма Матер

(из дневника Арины)

Итак, я нахожусь за тридевять земель от родного дома, от всего, что знакомо и дорого... И сейчас мне категорически надо отвлечься от личных переживаний и заниматься учебой – на носу сдача материалов по научной работе, а это очень серьезно – от этого зависит моя дальнейшая судьба в науке. А ведь именно за мои начальные разработки, еще на школьной скамье, я получила грант и возможность учиться здесь, где мой ум и знания смогут быть востребованы на всю катушку.

Может быть, чтоб настроиться на серьезный рабочий лад я расскажу об Университете?

Имперский колледж Лондона (Imperial College) расположен совсем недалеко от столицы, в старинном университетском городке, где грань между наукой и древней магией кажется размытой. Это огромный комплекс из темного оксфордского камня, поросший вековым плющом.

Университет возвышается над местностью как древний гранитный замок, построенный полтора века назад. Архитектурно его главный корпус – это смесь неоготики и сурового ампира: стрельчатые арки из темного камня, винтовые чугунные лестницы, дубовые двери высотой в два человеческих роста и, следом, висящий в воздухе запах старых книг, полированного дерева и едва уловимого аромата времени.

Но наш Закрытый факультет – это отдельное государство в государстве. Он занимает так называемое Северное крыло, огромное сооружение с глубокими подвалами и витражными окнами, отделенное от основного комплекса крытым висячим мостом.

Факультет имеет несколько степеней защиты. Кроме современных устройств слежения: видеокамер, сенсорных датчиков, закодированных дверей, имеется так называемый архитектурный заслон. Окна факультетского крыла тонированы прочным зеркальным стеклом – снаружи виден только отблеск неба, но никогда не разглядеть того, что происходит внутри.

Под зданием тянется сеть старинных сводчатых подвалов со стенами трехметровой толщины, переоборудованных под защищенные архивы, спецсерверные и те самые тайные лаборатории – студенты прозвали эти подвалы подземными горизонтами. Так и говорится в нашей среде: ты сейчас куда? – за горизонт!

Значит, идет работать в архив или в лабораторию.

В этих лабораториях, спрятанных за историческим фасадом, расположились сверхсовременные исследовательские центры с биометрическим доступом, где ведутся передовые разработки.

Для меня было веселым открытием, когда я узнала, что под зданием факультета тянется разветвленная сеть средневековых винных погребов и катакомб, соединяющих старые корпуса. Когда-то здесь прятались монахи, а теперь протянуты оптоволоконные кабели и закрытые линии связи.

После поступления и знакомства с Факультетом, я мгновенно влюбилась в помещение академической библиотеки – огромный двухэтажный зал с дубовыми стеллажами до самого потолка, старинными глобусами, фолиантами XVII века и коваными лестницами. Воздух здесь пахнет старой пергаментной бумагой, пчелиным воском и почему-то чаем с бергамотом. Невольно ощущаешь себя причастным к чему-то очень важному и умному. С первого дня я

провожу в библиотеке массу времени: забравшись в какой-нибудь укромный уголок я мечтаю, читаю и пишу свои научные изыскания.

Кампус, где мы живем, представляет собой классический квадратный закрытый двор с идеальным изумрудным газоном, по которому разрешено ходить только пэрам и профессорам. Вокруг – стрельчатые галереи, где эхо шагов теряется в высоких сводах.

Откуда корни?

Еще в середине XIX века в этих стенах располагались закрытые лаборатории, основанные тайным кружком ученых-философов и физиков. Они уже тогда искали способы управления массовым сознанием, формулировали законы человеческой психологии, которые можно использовать для полного раскрытия человеческого потенциала..

Со сменой эпох лаборатория не исчезла – она ушла в глухую тень.

В современный период корпус был полностью засекречен и обнесен дополнительной внутренней стеной, став базой для разработки методов психологического воздействия и специфических информационных операций.

В наши дни факультет сохранил абсолютную автономность и недоступность. Даже ректор Университета заходит в Северное крыло только по предварительному согласованию с деканом Ратхором.

Попасть сюда “с улицы” и стать студентом невозможно: сюда берут только по специальным рекомендациям закрытых фондов, государственным спискам, на основе конкурсов научных работ, прошедших уникальную экспертизу, и после жесточайшего психологического отбора.

Студенты проходят закрытое посвящение в старом зале, над кафедрой которого на латыни высечено: “Scientia est potentia et silentium” (“Знание – сила и молчание”). Эта фраза принадлежит английскому философу XVI века Фрэнсису Бэкону, и суть философии старика Бэкона, как в шутку говорят о нем старшекурсники, заключается в переходе от схоластики к практическому, опытному познанию природы ради усиления власти человека над ней – отсюда и принцип “знание – сила”.

Сейчас перед факультетом стоят супер современные задачи. Мы изучаем социотехнику, методы психомоделирования, прогнозирование массовых конфликтов и закрытые специфические информационные технологии.

Кто же выходит из стен этого учебного научного заведения?

Наши выпускники становятся элитой спецслужб, аналитиками дипломатических ведомств и управленцами, чьи имена никогда не фигурируют в открытой печати.

История и престиж Университета в целом и Закрытого факультета в частности, позволяют называть это учебное заведение не иначе как гнездом мировой науки, откуда вылетают невероятно талантливые и бесконечно образованные “птенцы” – люди, устремленные в будущее. Основанный в 1907 году королевской хартией, он всегда был кузницей кадров для имперских и высоконаучных кругов. Сюда всегда отправляют учиться сыновей индийских раджей, пакистанских навабов, китайских гунов, арабских падишахов, европейской аристократии и прочая, и прочая...

Восточная элита чувствует себя здесь как дома: наш декан Ратхор сам когда-то окончил этот университет, поэтому для Керима поступление сюда было естественным продолжением семейной традиции.

Ну, и уж коли так зашел разговор еще немного о тайнах и значении
Закрытого факультета.

Если сам Имперский колледж – это символ высокой науки и аристократизма, то Закрытый факультет (официально – Отделение стратегических исследований и социкибернетики) – это место, о котором говорят только шепотом.

Как я уже сказала, он занимает отдельное, Северное или Викторианское крыло, отделенное от основного кампуса глухим парком и закрытым висячим мостом из непроницаемого черного материала. Поэтому в народе его еще называют “Черным корпусом”.

Почему от него веет не только таинственностью, но и страхом?

Во-первых, этому способствует полная изоляция: студентам “Черного корпуса” запрещено вести соцсети, выносить за пределы здания рабочие материалы, а также обсуждать темы лекций и своих научных работ с близкими. Каждая аудитория оснащена глушителями сигнала и защищена от прослушивания по стандартам МПБ.

Во-вторых, это впечатление поддерживается его предназначением: Факультет занимается не просто наукой. Здесь разрабатываются методики информационной войны, модели поведения масс при панике, технологии скрытого психоэмоционального контроля и алгоритмы социальной социотехники. Студентов учат виртуозному управлению чужими страхами и слабостями.

Ну, а то, что под зданием Факультета, под этим самым “Черным корпусом” находятся те самые подвальные горизонты или, как их еще называют в студенческой среде, “Нимбы” – бывшие подземные картезианские кельи, переоборудованные под изоляционные лаборатории, где проводятся закрытые эксперименты по восприятию и сенсорной депривации, еще более усиливают общее впечатление.

(Керим в честь них назвал свою разработку: “Нимб”).

Ну, вот... Пока я настраивалась на нужный для науки лад и рассказывала про Универ, конечно же на меня набрела неразлучная парочка. Пока они меня еще не рассекретили, не увидели, я с удовольствием подслушиваю их разговор. Плохо, да? Но ведь интересно!!!

Они поднимаются по крутой винтовой лестнице в башенную часть библиотеки, где обожаю прятаться я. За узкими стрельчатыми окнами висит густой туман, превращающий вековые дубы кампуса в призрачные силуэты.

– Знаешь, Керим, – тихо говорит Надым, поежившись и прижимая к груди тяжелую кожаную папку. Его большие карие глаза в полумраке готического помещения кажутся совсем черными и тревожными. – Мне иногда кажется, что этот корпус..., этот факультет... он словно выпивает из людей все живое. Мы заходим сюда утром улыбающимися, а выходим с чувствами и ощущениями будто разобрали человека на детали и забыли собрать обратно.

Керим, не дойдя до башни, приостановился у тяжелой дубовой двери с бронзовым гербом факультета, ведущей в коридор. На гербе был высечен ворон с ключом в клюве – это символ того, что здесь людям даются ключи от знаний и мудрости. Он поправил шарф из тонкой шерсти и тепло улыбнулся другу:

– Надым, мы здесь для того, чтобы научиться править этим миром, а не бояться его. Папа говорит, что тот, кто знает, как устроена тьма, никогда в ней не заблудится. Мы поднимаемся к вершине, откуда виден весь мир, и нам дано изучить все ниточки, за которые он дергается... Только дергать надо с умом...

Он приложил именную карту к биометрическому считывателю. Замок щелкнул с сухим, металлическим звуком, напоминающим затвор винтовки, и тяжелая дверь бесшумно впустила их в прохладную тишину “Черного корпуса”, в прохладный, пахнущий старинной кожей холл, где даже шаги охраны отдавались эхом...

Они не заметили меня.

4. Суровый уют и партийная закалка

(Из дневника Арины)

Это я потом уже поняла, что все случайное не случайно... Я-то, наивно полагала, что мне несказанно повезло и мне потрясающе, волшебным посчастливилось попасть в святая святых науки. А вот и нет! Оказывается, я – часть огромной, хищной системы, которая по всему миру ищет неординарности и таланты. Это все длится с давних веков, просто сейчас облегчено цифровым контролем, позволяющим осуществлять постоянный и повсеместный мониторинг – сбор данных и анализ процессов.

То есть все было давным-давно предопределено. Кто-то уже писал мою судьбу.

В моей семье не было павлинов в саду, старинных персидских ковров и аромата благовоний и удового масла. Здесь все дышит скромной, строго выверенной советско-постсоветской классикой: массивный сервант с бабушкиным хрусталем, аккуратные подшивки толстых литературных и женских журналов, запах свежесваренного черного чая с чабрецом и домашнего пирога с яблоками.

Мой папа, Виктор Петрович – бывший партийный функционер, (во всяком случае, так принято юблю считать в его ближайшем окружении), а ныне – строгий, принципиальный человек старой закалки, привыкший жить по совести и уставу. Для него порядок, дисциплина и репутация – вовсе не пустые слова. Он искренне гордится дочерью, но воспитывал меня в строгой дисциплине, не умея открыто проявлять нежность.

Я могу честно сказать, что наши отношения с отцом – это союз двух сильных умов и дружба двух сильных характеров.

Папа – человек прямой, закаленный прошлым, но без капли жесткого самодурства или каких-либо перегибов в отношении к детям. Для него я была не просто любимой дочкой, – я была главным предметом его отцовской гордости, его продолжением, лучшим собеседником и настоящим другом.

С самого детства мы общались на равных – папа рано заметил мой потенциал. Пока другие дети слушали простые сказки, мы обсуждали с ним логику, говорили об истории, читали книги об устройстве общества, о человеческих отношениях. Мы могли часами спорить на кухне под шумящий чайник, доказывая друг другу свою правоту, и в этих спорах рождалось наше взаимное уважение. Мама называла наши отношения интеллектуальным дуэтом.

У нас как-то сам собой сформировался свой особый “код” – взгляды, шутки, полунамеки. Если мне было тяжело или страшно, отец никогда не читал нотаций, а просто садился рядом, наливал горячий чай и коротко говорил: “Ну, давай разберем твою задачу по пунктам”. В этом было столько заботы и веры в меня, что казалось, нет ничего в мире такого, что невозможно решить с папиной помощью. Наш тайный язык доверия и взаимопонимания всегда выводил меня в сложные минуты.

Папа в силу своего воспитания и характера был скуп на внешние сентиментальные проявления перед чужими, но со своей Аринушкой наедине его суровое лицо всегда смягчалось – своей широкой грубоватой ладонью он гладил меня по голове, когда я засыпала над книгами, и это прикосновение было для главным символом моей абсолютной защиты.

Мама... Мамочка... Моя ненаглядная, самая лучшая в мире мама...

Татьяна Николаевна – маленькая хрупкая женщина, на которой держится весь домашний быт и тепло. Грамотный экономист, умеющая держать под контролем не только цифры отчетности, но привыкшая сглаживать острые углы между строгим мужем и талантливой дочерью.

Атмосфера в нашей семье всегда была для меня оплотом стабильности, но внутри нередко повисало некое глухое недопонимание поколений. Отец искренне не принимал “нового мира” с его большими деньгами и чужими ценностями. Поэтому для моих родителей отпустить дочь одну в далекую страну уже было подвигом, за которым стояли ночные слезы матери и суровое молчание отца, приводящее к боли в сердце.

Я рискую попробовать честно и беспристрастно рассказать о себе, о своем характере, о непростой девочке Арине, которой выпал счастливый билет и совсем непростой шанс.

Благодаря отцовскому воспитанию я выросла человеком с феноменально прочным “внутренним компасом” – это я заявляю без всякого преувеличения.

Острый аналитический ум без сухости дан мне был от рождения: так сложились гены – говаривал мой очень умный папа. От него я унаследовала умение видеть логические цепочки и замечать детали, которые упускают другие, а какая-то совсем необычная проницательность позволяла видеть намного глубже, чем все остальные.

Но если отец смотрел на мир с позиций старой партийной дисциплины, то мне удалось добавить к этому душевную чуткость и эмпатию – что не раз помогало мне по жизни.

Какие я вижу у себя недостатки? Я совершенно не умею фальшивить, или проще говоря, врать. Бескомпромиссная честность делает меня уязвимой перед людьми и не всегда приятной в коллективе, но вместе с тем дает невероятную силу: меня невозможно запугать или склонить к предательству.

А еще я довольно смелая... Да!... На Закрытом факультете многие студенты робеют перед величием “Черного корпуса” или авторитетом декана Ратхора. Я же смотрю на все без страха, потому что отец с детства научил меня: “Не бойся громких имен и высоких стен – за ними живут точно такие же люди со своими слабостями”.

Ну, и раз зашла речь о факультете, то здесь уместно рассказать, каким образом я туда попала.

Я никогда не считала себя роковой красавицей или бунтаркой – да и не выглядела таковой никогда. Но мои педагоги и наставники отмечали: “в этой девочке есть то самое редкое, пронзительное сочетание внешней хрупкости и привлекательности, пытливого ума и академической въедливости и абсолютной душевной чистоты” – это я своровала из моей расширенной психологической характеристики.

Как случился мой научный прорыв? Говорят, сочетание невероятного ума и нестандартного анализа. Я с детства не просто зубрила предметы, а видела скрытые связи там, где другие замечали лишь сухие формулы.

Когда в гимназии объявили конкурс на получение гранта для обучения за границей, я написала научную работу на стыке лингвистики, социологии и теории информации, которая после участия в конкурсе, как говорят, произвела эффект разорвавшейся бомбы в академических кругах. Мое исследование заметил какой-то международный фонд, предложив полный грант на обучение в Университете.

Для нашего провинциального городка и моей старорежимной, партийной семьи это было сродни полету в космос. Отец скрипел зубами, но понимал: удерживать такой талант дома – значит сломать дочери судьбу.

На собеседовании с экзаменационной комиссией Факультета, которое проводилось после принятия нами присяги и подписания договора о неразглашении, мне было сказано, что эта стезя – мое предназначение, и это, если честно, буквально повергло меня в шок! Почему именно я способна затронуть какие-то тайные тайны государств? Почему именно мне дано понять самые сокровенные уголки человеческих душ? Почему я?

Мне очень трудно. Трудно свыкаться с непривычной средой, с новыми правилами, с новыми друзьями, несмотря на все мои коммуникационные навыки и спокойный, сдержанный характер.

В отличие от тех студентов, которые привыкли править миром по праву рождения, которые видят этот мир через призму свободного доступа везде и всюду, я по праву рождения обладаю абсолютным врожденным иммунитетом к манипуляциям человеческими судьбами, у меня срабатывает защита от лжи и злобы.

Мне совершенно чужды игрища различных элит, статусность и традиционные клановые привилегии. Там, где декан Ратхор плетет паутину шантажа, а студенты Закрытого факультета учатся социотехнике, мне в первую очередь видится простая человеческая суть. В этом моя сила.

Мне сразу же и безо всяких экивоков дали понять, что на Закрытый факультет меня привлекают не из-за связей, коими, естественно я не обладаю, а исключительно из-за моего уникального аналитического аппарата.

“Своим “чистым незамутненным взглядом” Вы, детка, способны распутать узлы информационной войны и увидеть то, что другие предпочли бы спрятать на дне архивов” – так говорил мне мой научный руководитель.

Кто и каким образом сумел разглядеть в девочке, которая приехала из мира, где главными ценностями всегда оставались честный труд, слово чести и верность родному дому, феноменальные способности аналитика: там, где другие видят лишь сухие формулы или политическую игру, я моментально замечая живую человеческую суть и скрытые логические подтексты. Именно этот взгляд позволил мне выиграть грант.

Ну, а отцовское воспитание дало мне защиту от внешнего лоска. Меня не впечатлить большими деньгами или громкими фамилиями, поэтому в элитарном Университете мне легко удается держаться с естественным достоинством.

Когда я начинаю вспоминать как это случилось, я сразу переносюсь мыслями домой, к папе с мамой – на их уютную кухню, в те прощальные часы перед отъездом.

Кухонное окно до половины занесло снегом. На столе стоят две массивные глиняные кружки – папа их сам сделал – с густым черным чаем. Мама уже ушла спать, и в тишине квартиры слышался только мерный стук старых настенных часов.

Папа достал из кармана потертого домашнего пиджака старый деревянный штамп – семейную реликвию еще от его отца, моего деда – и медленно перекачивал его в ладонях. Потом долго и сосредоточенно разглаживал клетчатую скатерть.

– Знаешь, Ариша, – тихо проговорил он, и его глубокий, слегка глуховатый голос заставил меня поднять глаза. – Я ведь не за учебу твою боюсь. Ты у меня умница, любого профессора за пояс заткнешь. Я за сердце твоё боюсь.

Он снова поднял на меня тяжелый, усталый взгляд:

– Ты уезжаешь за знаниями, дочка. Не за красивой жизнью, не за чужими сказками. Помни, кто ты и откуда. У них там свои законы, свои богатства, но честь у человека одна. Продашь ее – обратно не купишь.

Я оставила кружку и накрыла его широкую, шершавую ладонь своей тонкой ладошкой:

– Пап, ну ты чего? Я же простая девчонка, я туда работать, пахать еду, исследование писать. Какое сердце?

Отец посмотрел на меня с такой щемящей любовью и затаенной грустью, что на миг у меня перехватило дыхание:

– Мир там другой, дочка. Там у людей деньги другие, манеры другие, да и боги часто другие. Но пока ты веришь себе и помнишь наш дом – никто тебя сломать не сможет. Обещаешь, что если станет совсем туго – сразу мне скажешь? Без утайки?

– Обещаю, пап. Без утайки.

Я тогда крепко сжала папины пальцы, в подтверждение сказанного, даже не догадываясь, перед каким выбором поставит меня судьба, когда на одном полюсе окажется эта святая отцовская клятва, а на другом – Керим с его ослепительным миром и смертельные тайны “Черного корпуса”...

На следующее утро, прощаясь с родителями у дверцы такси, увозившего меня в аэропорт, я плакала и не знала, что через несколько месяцев окажусь под стрельчатыми сводами Закрытого Факультета, где слова отца о чести и чужих сказках станут моим единственным спасательным кругом среди вызовов и больших жутких тайн.

5. Горькая тайна

Тишина в коридоре спецкорпуса не была пустой – она давила на уши звоном, какой бывает после близкого взрыва.

Разговор про архив и новые разработки только что отзвучал за дверью декана.

Керим не двигался. Его пальцы, только что мягко переплетенные с пальцами Арины, омертвели и превратились в лед. Арина слышала, как прерывисто, с тяжелым физическим трудом он дышит – словно человек, которому в грудь со всего размаха прилетел тяжелый снаряд. В глазах восточного принца, всегда излучающих уверенность, искренний смех и мягкую харизму, застыл дикий, не помещающийся в сознании ужас. Голос за тяжелой дубовой дверью принадлежал его отцу – сомнений быть не могло... – человеку, который с самого детства был для Керима не просто родителем, а абсолют, истиной в последней инстанции, образцом незыблемой чести и верности семье.

– “...чтобы твоя семья и коллеги продолжали верить, Садхир”, – снова прозвучал в памяти Арины бархатный, с едва уловимым, безупречным акцентом женский голос. В нем не было угрозы – в нем звучала спокойная, хозяйская уверенность профессионального вербовщика.

За дверью послышался сухой шорох отодвигаемого кожаного кресла и стук каблучков. Время на размышления вышло.

Арина не дала Кериму времени рухнуть в этот обвал. Включая холодный, вьедливый аналитический ум – тот самый, за который ее и зачислили на этот закрытый, курируемый спецслужбами, факультет, – она действовала на чистых инстинктах. Вцепившись мертвой хваткой в лацкан его пиджака, Арина с силой потянула Керима назад, в глухую, налитую мраком тень широких листьев монстеры, где начинался стеклянный крытый переход в оранжерею.

Керим поддался как манекен – послушный, обесточенный и абсолютно слепой.

Лишь когда густая полутьма павильона накрыла их, а за спиной с глухим, окончательным щелчком закрылась дверь кабинета и удалились шаги, он словно очнулся от наркоза.

– Это... этого не может быть, – выдохнул он. Голос сорвался на сиплый, ломкий шепот. Керим отшатнулся к влажной, прохладной кирпичной стене и с такой силой запустил пальцы в густые темные волосы, будто хотел вырвать из головы только что услышанное. – Арина, ты слышала? Это был отец. Он не мог... Они говорили про архивы! Про какую-то легенду, про скрытые счета и разработки! Мой отец – декан! Он святой человек, он всю жизнь...

– Тише... Керим, смотри на меня, – Арина шагнула к нему вплотную, сдержанно и жестоко перебивая начинающуюся панику.

В полумраке оранжереи, среди душного запаха сырой земли, озона и тропических цветов, её глаза казались темными и невероятно, почти пугающе собранными. Она положила обе ладони ему на грудь, через расстегнутое пальто, поверх тонкой ткани рубашки, ощущая, как бешеный, рваный пульс колотит в его ребра.

– Милый! Слушай меня очень внимательно, – ее шепот прорезал мрак как ланцет. – Сейчас ты вернешься в свою комнату. Ты умоешь лицо холодной водой и не выплеснешь ни капли – ни единой эмоции! – из того, что сейчас чувствуешь. Ты не пойдешь к нему. Ты не вызовешь его на разговор. Ты будешь улыбаться ему за завтраком так же, как делал это вчера. Понял меня?

– Как я могу молчать?! – Керим перехватил ее запястья. Его хватка была почти больной – в ней перемешались отчаяние, мольба, удушающая боль и пробуждающаяся ярость восточного мужчины, у которого из-под ног выбили землю. – Он лжет! Лжет моей матери, лжет институту, лжет мне всю мою жизнь! И эта женщина... Кто она такая, Арина?! Кто держит в кулаке декана Ратхора?!

– Я не знаю. Пока не знаю, – жестко, но с бесконечной, почти материнской нежностью ответила Арина, подаваясь вперед и заставляя его посмотреть себе прямо в глаза. – Но если ты сейчас сорвешься, Керим, если выйдешь к нему с эмоциями – нас уничтожат за пять минут. Они просто закроют нам доступ к серверам, переведут тебя в другой ВУЗ, а меня отчислят и вышлют из страны быстрее, чем закончится эта неделя. Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы нас с тобой развели по разным сторонам баррикад, на разные концы планеты?

Керим замер, тяжело и прерывисто дыша. Девушка с далекого Севера, которую он привык видеть утонченной, немного строгой, иногда смешливой и невероятно любимой, сейчас стояла перед ним как монолитный щит. В ее спокойствии была холодная стальная сила, которой ему, раздавленному предательством отца, сейчас катастрофически не хватало.

– Мы не будем действовать вслепую, – Арина сбавила тон до еле слышного, но четкого шепота, прижимаясь ладони к его горячим вискам. – Слушай наш план, Керим. Шаг первый: мы делаем вид, что ничего не произошло. С завтрашнего дня ты начинаешь аккуратно, без фанатизма, но постоянно и внимательно наблюдать за расписанием отца и его встречами вне института. Никаких расспросов, никакой заинтересованности – только фиксация времени и дат.

Керим сглотнул, чувствуя, как ее уверенность постепенно проникает в застывшие вены.

– Шаг второй, – продолжала Арина, не разжимая объятий. – Я подаю заявку на расширенный доступ к архивным делам нашего факультета. Официальный повод: моя курсовая по информационным потокам. Там должны быть следы грантов и фондов, через которые идут деньги.

И шаг третий: ты аккуратно прощупаешь Надыма. Не открывайся ему полностью, но посмотри на его реакцию, когда при нем упомянут имя той женщины или старые архивы. Надым ближе к твоему отцу, чем мы. Он может знать больше, чем говорит.

– Надым? – переспросил Керим, и в его голосе промелькнула новая тревожная тень. – Ты думаешь, Надым может быть в деле?

– Я думаю, что верить сейчас мы можем только друг другу, – отрезала Арина. Она поднялась на цыпочках и прикоснулась губами к его горячей, вздрагивающей щеке, даря ему то единственное тепло, которое удерживало его от падения в бездну. – Мы разберемся во всем, Керим. Обещаю. Сложим этот пазл кусочек за кусочком. Но играть мы будем по моим правилам: холодно, тихо и на опережение. А теперь – расходимся. По одному. С интервалом в десять минут. Иди.

Керим еще секунду всматривался в такое знакомое, милое лицо девушки, затем крепко, до хруста сжал ее ладони в своих, кивнул и, бесшумно растворившись в тени оранжереи, шагнул к выходу.

Арина осталась в гулкой, пахнущей прелой зеленью тишине, прижавшись спиной к холодному стеклу. Ее собственное сердце колотилось где-то у самого горла, но разум уже набрасывал первые зашифрованные строки для личного дневника.

Она не сказала Кериму то, что хранила в себе уже почти месяц – после того откровенного разговора с Надымом. Не сказала, потому что это могло сломать его бесповоротно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.